

43. Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск, 1994. – С. 104-124.
44. Смирнов А.П. Волжская Болгария // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – С. 208-212.
45. Смирнов К.Ф. Савроматы. – М., 1964. – 389 с.
46. Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – № 9. – С. 117-124.
47. Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование. // Восточно-азиатский сборник. Труды Ин-та этнографии АН СССР. – М., 1961. – С. 47-78.
48. Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 56-96.
49. Табалдиев К.Ш. Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2. – С. 78-81.
50. Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Россия и АТР. – 2006. – №4. – С. 111-115.
51. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998. – Вып. IX. – С. 194-198.
52. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005. – 200 с.
53. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003. – 430 с.
54. Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004. – С. 300-306.
55. Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000. – №4. – С. 100-108.
56. Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // СЭ. – 1964. – №3. – С. 89-96.
57. Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – №3. – С. 135-143.
58. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск, 1991. – 184 с.
59. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул, 2003. – 204 с.

Рыбаков Н.И.

(г. Красноярск)

**ОКО ЗУРВАНА МАНИ-БУДДЫ
по следам открытий экспедиции И. Аспелина (1887– 89)**

В иконографических памятниках Междуречья Июсов, открытых финской экспедицией под руководством И. Аспелина (1887г.), изображение полуфигуры в жреческом одеянии (Подкамень) получило изначальное наименование первооткрывателя как «Ассирийский священнослужитель» (рис.1 – 1). Он несет на короне знак в виде круга с малым кругом (или точкой) внутри. Эта деталь головного убора жреца не подвергалась осмыслению исследователями. По результатам полевых работ по окраинам Ошкольской степи и всего междуречья Июсов (материалы автора) выявлено несколько новых памятников с «загадочными фигурами», несущими подобный знак (рис.1 – 2-3-4). Диадема в виде круга с точкой внутри, или круга в круге, размещена на коронах вверх, по середине или на лбу, но,

по сути, эта деталь-символ имеет отношение неизменно к данному явлению. Предположение О. Менхен-Хельфена видеть в ассирийце самого апостола Мани, а жрецов как миссионеров, носителей религии света, не поддержано научным сообществом, а отечественными исследователями ставится под сомнение. Однако ряд аспектов, указанных им, недвусмысленно направляет нас к культурно-историческому региону ранне-средневекового Востока, а ссылка на Теодора Мопсуестома – к пространству религиозно-мифологических представлений народов Иранского нагорья, Месопотамии и Передней Азии. Исследования последних лет не отвергают мнение О. Менхен-Хельфена по множеству примеров новых памятников иконографии, разбросанных по каменным плоскостям в районе Северной Хакасии (Рыбаков Н.И., 2006, с.121-127). Данный культурно-исторический феномен имеет отношение к среде буддийско-манихейских связей Центральной Азии в период средневековья. Знак на коронах жрецов при первом впечатлении может быть определен как известный и принятый большинством исследователей символ солнца (Голан А., 1992, с. 28), третий глаз Шивы, центр Мира (зороастрийские тексты., 1997, с.20), глаз Ахура-Мазды (Литвинский Б.А., 1972, с. 152).

Путь самопознания и самосовершенствования, путь мистических вдохновений и воображения в небесном путешествии души, ведущий к спасению – черта мировоззрения первых гностиков. Эти тайные знания гностиков-звездопоклонников имеют определенные истоки в учении мандеев, в древнейших индийских текстах Упанишад, в среде магов Сасанидского царства, в таком же виде мы встречаем их в манихейском учении. Виденгрэн замечает: «Этот иудейско-иранский гностицизм в сфере космогонической мысли двигался (на восток – Н.Р.) целиком и полностью в русле иранской мысли с явными переключками с зерванистской системой и, кроме того, с радостью отдавался всевозможным спекуляциям на тему света» (Виденгрэн Г., 2001, с. 41). Скомбинировав астрономические теории с древними семитскими верованиями, жрецы-халдеи из Харанна, у которых сохранилось древнее вавилонское поклонение звездам, вывели религиозное учение, согласно которому: «...Солнце, умственный свет, должно было сознаться в качестве управляющего миром разума, и, следуя дальнейшей логике, этот вселенский разум становился бы создателем человеческого разума-искры, выделившегося из космического огня...» (Кюмон Ф., 2000, с. 243) В период влияния эллинистических идей на палестинское сектанство тайное знание несло тайное предложение «... о тождественности абсолютного в божестве и человеке, а потому и о возможности слияния познаваемого и познающего» (Трофимова М.К., 1979, с. 11).

Влияние астрологических теорий стало определяющим в доктрине манихейства – как известно, сам Мани вырос среди звездопоклонников (Зудерман В., 1989, с. 68). Суть изначальной космологической традиции выразилась в символике всех религий Востока, являясь внутренней эзотерической стороной религиозно-мистических учений прошлого, но как идеальный метод трансцендентального знания символ отвечал требованиям идейного фонда поздней античности.

Корпус символов структурно-мифологического содержания в Гнозисе (таких, как центр мира, божественное сердце, мировое древо, буквенно-числовое соответствие и изначально проявленное Слово-Глагол) существует именно в силу связи с изначальной Традицией (Генон Р., 2004, с. 29).

В книге Бытия космогоническому *Fiat Lux* – «Да будет Свет» символизирует первый «священный брак». В египетской теологии Архетипический и Творческий Ум изливает всю бесконечность своих сил через свое Отеческое Основание. В фаллическом символизме жречество использовало семя для представления духовных сфер, потому что все содержит то, что есть в нем (Холл М.П., 1992, с. 194); все обусловлено причинами и соотносится с причиной также, как лотос с солнцем, как сотворенный свет управителем Вселенной Отцом Ума (он же есть Бог, и все есть Бог, и все есть во всем, и каждое в каждом). Кэмпбэл замечает, позднешумерский клинописный текст гласит: «Когда Небо и Земля возникло из первичного океана, оно имело форму горы, вершина которой, Небо (Ан), было мужским началом, а основание, Земля (Ки), – женским» (Кэмпбэлл Д., 1997, с. 97). Этот сюжет повторяется в классических легендах Древней Греции, в Египте (только первоисточники поменялись местами: Небо Нут – женское начало, Земля Геб – мужское),

в мифологемах Авесты, древних религиях Китая и Индии. Пуруша и Пракрити в индуистской традиции – вселенские «сущность и субстанция» под воздействием вселенского духа Атман, испускающего «Небесный луч», отражающийся в зеркале «Вод», в их лоно проникает божественная искра-семя «Золотой зародыш», которая реализуется в виде цветка Лотоса как неизменное средоточие Инь и Янь – дальневосточный символ, метафизический эквивалент рождения и смерти, феноменальная чета, сопровождающая и дополняющая друг друга (Васильев Л.С., 2001, с. 81). Образ прорастающего лотоса в обратном стремлении вверх сквозь Небесную твердь соединяет золотую солнечную дверь зенита с пупом земли, и представляет всеобщий мифологический мотив центра мировой горы Меру. Лотос тоже Древо Мира – «... это чистое, это Брахман, это зовется бессмертным. В этом утверждены все миры, никто не выходит за его пределы, поистине это – То». (Кэмпбэлл Д., 1997, с. 250). Первый этап концепции Творения – Идея; произнесенное слово в слух – второй шаг, при этом слово придает идее форму и бытие.

Великий сценарий Творения изложен в Сефер Йецире (Холл М.П., 1992, с. 427-433), первая часть которого может быть представлена в следующем порядке:

1. В начале Идея – это Мысль в себе самой, в неосязаемом эфире (Авир) – «Бог размышляет».
2. Проявление Слова-Логоса – выражение Первопринципа (Мемра).
3. Эманирование из мысли божественного Света (Аор) – «Да будет Свет» (Йехи аор).
4. Изъявление начала и действия (Света-семени) от непостижимого к постижимому пониманию.

Манифестацией явления «света-семени» центра всех вещей, или Логоса в сердце Мира, проникнута вся философская мысль античности. Всё, что вовлечено в обращение формулы «Начало» (свет-семя), будучи нацеленной на первоначальную неизменность, неизменно держится в центре, как само «Первоначало», как потенции любого существа, как результат космогонического акта разделения Света от Тьмы. В писаниях мандеев Творение трактуется как изгнание тьмы. «... И когда Семя упадет на кровь Чрева, оно очистит кровь и сделает его одной природой с Самим Собой так, чтобы внутри совсем не осталось тьмы» (Дровер Е.С., 2004, с. 325). В нем Сияние (Ziwa) сформируется, и возвышенный Свет (Nhura) будет утверждён там. Явар-Зива (сияние, ослепительный свет), или семя – капля Nitufta) проявляет себя как духовная субстанция до того, как «Капля и Капля» уловили тайный смысл друг друга. Аяр (Эфир-Сияние) – первый разбавленный чистый элемент, самый тонкий воздух ессеев. «Айяр, как сказано у Епифания – это один из семи свидетелей, необходимых для клятвы элькасаитов» (единоверцев Апостола Мани – Н.Р.) (Дровер Е.С., 2004, с. 265). В Авесте изложена концепция «Договора двух начал»: образ света – место Армазда «Бесконечный свет» и образ тьмы – место Ахримана «Бесконечная тьма». Между ними была пустота, ...в которой смешались друг с другом два духовных начала, ограниченное и безграничное, т.е. верхнее и нижнее.

В пространстве нашего осмысления важно соотношение этой символики в свете иконографического обоснования. В археологических культурах Центральной Азии (палеолит) точка в круге определена Э. Новгородовой как символ муже-женского начала (Новгородова Э.А., 1984, с. 51; Пэрлээ Х., 1975, с. 95). В тибетских толкованиях диск, обозначенный точкой внутри, свойственен горе Меру (Тусси.Г., 1963, р.140). Как поясняет Генон, «тайна непостижимого, скрытого не проявленного есть точка...она же капля в индуистской традиции – «золотой зародыш» (Хираньягарбха); в библейской – «амар» (Амр) (Генон Р., 2004, с.127, 614), возможность действия (Вэй) (Палладий Арх., 1887, с. 125); тайна внутреннего Дворца (каббалистическая святая святых Шехина), т.е. «неограниченная сфера» в форме Лона-Круга (Генон Р., 2004, с.62-63) – место проявления Воли Отца. При этом эта же точка есть первое слово (Айн), оно же «начало всех вещей» – Мысли. В геометрическом отношении круг с центральной точкой отображает вертикальную ось на горизонтальную плоскость – некий центр, как исходную точку завершения и какого-либо способа проявления. Они соответствуют, следовательно, тому, чем являются во Вселенной «сущность и субстанция» или Бытие в себе и его возможность, либо проявление принципов – активного и пассивного. Эти две образующие... «проявляют Волю Неба в центре – т.е. в точке, где реализуется равновесие в неизменном средоточии» (Генон Р., 2004, с.121).

Но совершенное равновесие активных и пассивных принципов выражено в природе Адама (андрогина) – первого человека, две половины которого уже дифференцировались, но еще не разделились. Первопринцип Адама являет «Единство, которое оставаясь Самостью, никоим образом не может стать чем – либо иным, кроме самого себя, и из чего, следовательно, оно, рассмотренное в себе, и не выходило, ...т.е. Оно остается существом в себе, то есть тем Единым, что образует точку в круге» (Генон Р., 2004, с. 123).

Союз взаимодополнительностей как подобие первоначального «Андрогина» известен всем традициям.

Как уже было сказано, изъявление начала и действия – проявление Воли Отца находит ответ в непостижимом к постижимому пониманию как единое «Свет-семя». Мифологическое представление о едином свете-семени встречается в древне-греческих медицинских школах, в индо-иранской культуре, как миф о «соблазнении архонтов», и наконец тот же миф отмечен в зерванизме и манихействе. Не разрушая Изначальную традицию, основатель учения Мани дает своеобразную картину дуалистической концепции Света и Тьмы, где «Свет – начало благое, совершенное, полностью духовное, способное производить только благие и совершенные творения» (Смагина Е.Б., 1998, глос. с.449). Тьма же – «безумие» Материи антонимично и разуму, и знанию, проявлением похоти которой наделены люди. Они получили это демоническое наследие от Человека ветхого (Адам во плоти).

Вернемся к иконографической подоснове, – точке в круге. В основах каббалистической космогонии в процессе творения рассеянной жизни бесполое «Айн Соф», т.е. – ноль, выражающееся геометрическим кругом, двигаясь от периферии к центру, устанавливает точку, которая есть манифестация Единицы – «Я есть» (Евр. Энциклопедия, 1991, Т. 9, с. 47). В герметических учениях образ «Единицы», Пифагорейской Монады, несет «Свет, вспыхнувший в тайне эфира», она есть первая из всех чисел, т.е. до нее не было ничего, что можно было сосчитать. Поэтому единица – нечетное число, соотносимое с высшими Богами (здесь надо понимать «точка в круге» – Воля Бога, Семья-свет).

В последние века до христианской веры весь языческий Восток находился под влиянием числовой мистики, которая была особенно развита у вавилонян и египтян, от них она перешла к грекам и у Пифагора получила форму определенной философской системы. В. Болотов приводит материал по александрийской гностической школе, дословно: «Карпократ (2 в.н.э.) ... учил, что начало всего есть единица, от которой всё исходит и к которой всё возвращается. Мир сотворен ангелами, отпавшими от монады». Здесь же, В. Болотов упоминает одного из учителей-гностиков Марка, пришедшего из Сирии, который облек доктрину Валентина в каббалистические формы (неистоцимая игра в буквы и числа) (Болотов В.В., 1910, с. 213-224).

Следует особо сказать о нумерологической символике в концепции Мани. Как отмечает Е. Смагина, первые главы «Кефалайя» строятся в числовом соответствии композиционной основе глав: первая – посвящение приходу Апостола, единственного; вторая – притча о двух деревьях; третья – три категории божеств; четвертая – четыре божества и четыре демона. Премудрость как «числовая притча», по мнению исследовательницы, восходит к библейской литературе. В. Зундерман, отмечая арифметическую символику в манихействе, указывает на среднеперсидский текст, где понятия «жалость-любовь» *gruh* и «добрая вера» *wgruyn* отнесены к первым и главным элементам души, составляющим светлую пентаду наряду с пентадой злых сил; последняя в своей полноте соотносится как 5x5 (светлое – темное), или гностическая десятиричная единица (1 + 0) (Зундерман В., 1989, с. 74). У Флюгеля (Flugel, 1862, р. 197, 203): «... Пять членов земли света и пять членов эфира света образуют полное Величие, т.к. они – сущности света, которые окружают Бога и с которыми он совпадает по определению. А защитниками души и блаженных (посвященных – Н.Р.) являются двенадцать дев».

Символ «моносиллаба Ом», унаследованный буддизмом из более ранних учений, является, по сути, той же Изначальной Единицей (в санскрите акшара «неразделимый», «неразрушаемый», «нетленный»). Это первоэлемент, зародыш языка – определение, приложимое к Логосу. Ом, с точки зрения космического порядка Первозданной Традиции: «Царь Мира», обладающий знаниями Агарты – он же Ману Вайвасвата, «Сын солнца».

Синкретическая система вероучения Мани, основываясь на исходной мысли «Бог един, но все существующие религии представляют собой позднейшие искажения истинной веры», позаимствовала некоторые элементы учения, заложенные в буддизме. Климкейт говорит: «В основном полная история восточного манихейства определена контактами с буддизмом, и так понятно, что в Средней Азии манихеи приняли буддизм в форме и содержании» (Klimkeit H.J., 1998, p. 238). В парфяно-манихейских сочинениях встречаются чисто буддийские заимствованные термины: «Будда», «шрамана», «нирвана», «бхикшу», «Майтрея» и др. Из согдийского языка слово «бодхисаттва» проникло в среднеперсидский, уйгурский, китайский... стало источником арабского (западная форма легенды о Варлааме и Иосафе) (Литвинский Б.А., 1972, с. 150), или слово «Будха» было заимствовано манихеями и служило для обозначения манихейских святых. С другой стороны, буддисты для своих священных книг приняли манихейский термин Ном (Бартольд В.В., 1968, Т.2, с. 57).

Мир – место горя и страдания – одна из главных принципиальных формул, явившихся причиной объединения двух центрально-азиатских конфессий (буддизма и манихейства). Мир создан Всевышним (в случае манихейства), но человеческое существование является прискорбным, поскольку божественная душа человеческая находится в оковах грешного тела – Царстве темноты. В обеих религиях человечество обращено к закону возмездия, и путь из этого прискорбного мирского существования только один – через познание (gnosis, praina), который возвещают Апостолы Света или Будды. Манихейские идеи и понятия спасения в буддизме функционально сопоставимы: «познание ведет к Миру Света или к Нирване соответственно» (Klimkeit H.J., 1998, с. 292). «Будда – Мани Апостол», или «Мани-Будда» - формулировка, характерная для многих турфанских документов. Они оба – посланники Света.

Отражение универсальной археотипической модели в форме Слово-Логос (Око Бога) в среде культурно-религиозных контактов северного буддизма и манихейства мы видим на примерах материалов Прусской Турфанской экспедиции. В миниатюре (Le Soc., 1923, Taf., 8a, p.37) описано изображение знамени в руках двух адептов, в верхней части которого покоится корона, а на конце поперечены – украшение в виде жемчужины (точка в круге), охваченной пламенем. На другом фрагменте (Abb. e, p.42) – половина фигуры стоящего манихейского священника, а в орнаменте ореола-нимба над головой изображен маленький концентрический кружок в середине (рис.2). Здесь же указано изображение разрушенной фигуры, но с сохранившимся диском в центре нимба над головой. На обрывке два изображения женской головки в белой шляпе причудливой формы с золотым диском на верхушке. Далее (Taf., 8b, abb, C) изображение двух крылатых духов под сводом арки (рис.3), на короне одного из них – украшение в форме двукрылого шлейфа с золотым диском в центре и т.д. (Le Soc., 1923, T.II., p. 38 – 60). О жемчужине говорит Ю. Зуев, в частности: «В манихейском учении жемчуг считался воплощением совершенной чистоты света, к достижению которого стремится душа проповедника». (Зуев Ю.А., 2002, с. 196)

В китайском «Манихейском трактате» изложено постижение света-разума, где добавляется к понятию «Свет» понятие «Блеск» и «Любовь» и описывается создание Нового человека из Ветхого посредством проявления света-разума через очищение души (Зундерман В., 1989, с. 73).

Следуя стезе осознанного синкретизма, основатель учения Мани предопределил продвижение восточной миссии в пространстве тюркского мира, а харизматические, нумерологические и схемы «Священных превращений» обеспечили хотя и временный, но определенный успех в религиозной жизни Китая. В пределах китайских ритуально-мифологических импликаций гадательного свойства, типа «священных вестей», где Слово слито с телом и не существовало отдельно от сакральных «вещей» (Крюков В.М., 2000, с. 40), адепты религии Света встретили взаимное и доступное понимание. Г. Виденгрэн говорит: «У его (Мани) последователей в Китае эта склонность (нумерологические спекуляции: триады, тетрады, пентады и гебдомады) перешла через всякие разумные пределы и задушила почти все остальные положения его учения» (Виденгрэн Г., 2001, с. 210).

В древнетюркском фрагменте «Книги Гигантов», как полагает В. Зундерман (Зундерман В., 1989, с. 77), понятие «блеск» созвучно согдийскому *grn* и тюркскому *gut* («слава», «величие»), а также китайскому «явление» и имеет обозначение «первого элемента души»,

т.е. формально соответствует эмблеме в виде диска на коронах святых и божеств. О тюркском *gut* говорит Климкайт. После принятия манихейства с 789 г. уйгурские цари получают *gut* от бога луны, манихейского бога Вахмана, Большого Разума (Klimkeite H.J., 1998, p. 221). И добавляет: «...Все же это поразительно...», что харизма *gut* «удача» принимается царями от бога луны только после контактов с манихеями «... в месте, где живет бог *Not Gut* (Бог Царства Света), ...в том месте, где живут чистые, сильные ангелы». Люди племени Аргу-Талас, где он живет, названы счастливыми, удачными (там же, с.227).

Каганской тамгой государства Се-яньто (629-647) манихеев Северной Монголии было изображение полной луны (Зуев Ю.А., 2002, с. 198, 205 по Ван Пу, гл.72, с.1306) и, очевидно, тиара древнетюркского принца Кюль-тегина наподобии Птицы-Солнца несла образ Божества Неба-Тенгри и, по мнению Ю. Зуева, этот факт может говорить о глубине влияния раннего периода проникновения манихейства в тюркскую степь (Зуев Ю.А., 2002, с.227). Исходя из языческой (шаманской) концепции единого Тенгри (Небо), «Небесный гений-хранитель» (Скрынникова Т. Д., 1992, с. 71), небесная «*Gut*» явилась формой-архетипом в тюркско-манихейских религиозных отношениях.

В теракотах, собранных Самаркандским музеем доисламского периода и в более раннем, в канонической пластике, в статуэтках астральных божеств (Мешкерис В.А., 1989, с.25), решающим признаком являются круглые лунные знаки и солярно-лунарные на головных уборах, коронах и прическах. Но так как одни и те же головные уборы являются обязательным элементом костюмов разных иконографических типов, выделить отдельно божества, относящиеся к той или иной религиозной группе, почти невозможно. Однако в сюжетах лепной пластики позднеогусидийского периода (V-VIII вв.) среди мифологических существ и фигур, астральных, а также тюркского типа отражены историко-идеологические связи раннего средневековья.

В тюркско-огусидийский период (VI-IX вв.) в археологических памятниках нижней Сыр-Дарьи и Хорезма особенно распространен близкий к Семиреченскому резной циркулярного типа (точка в круге) арнамент на керамике (Агеева Е.И., 1951, с.108).

В памятниках истории культуры Киргистана (Массон В.И., Плоских В.М. с. 51), в частности, памятника Кара-Булак, отмечена бронзовая пластина с изображением лунного божества (III-IV вв.) в короне в виде круга с маленьким кружком в центре. В памятниках Согда, как отмечает Б. Литвинский (1978, с. 111) на примере «маргианской богини» (Кой-Крылган-кала, IV-III вв.) тем же символом наделена Анахита, которая является отражением культа солнечного божества.

С некоторого периода времени Мани ощущает себя прежде всего представителем Христа, оставив приверженство почитания богу Митре. Мани причисляет себя к Апостолам, осознавая свою особую природу и судьбу, в последовательности: Заратуштра – Будда – Иисус и он же Мани, получивший откровение в отроческие годы, «когда ... из источника вод явился мне образ человека и указал мне рукой, что нужно отдохнуть, чтобы я не грешил... В другой раз обратился ко мне голос из воздуха со следующими словами: укрепляй свою силу, делай крепче свой ум и принимай то, что тебе откроется» (из Кельнского кодекса). В буддийско-манихейском документе «*Buddhicired*» (v.28) этот ряд спасителей упомянут так: «...Мы (прибыли)?... Чтобы увидеть подобного Будде Бога Солнца (т.е. Иисуса), который напоминает тебя, Мани».

Из писем Мани известно, что впоследствии повсюду в начале письма он называл себя «Мани, апостол Иисуса Христа». «...В это время, в четыре года, я вступил в религиозную общину крестителя. Когда мое тело было в отроческом возрасте, я рос в этой общине и был охраняем силой ангелов света... моя защита была поручена Иисусом Светоносным» (Виденгрэн Г., 2001, с. 62).

Митра – «Владыка рассвета» не мог быть наделен Архетипическим разумом и не мог передать Мудрость его почитателям. Он остался Богом языческих времен и, по сути, – Богом идолопоклонников, взывающим больше к чувствам, чем к разуму. Как сообщает Ф. Кюмон (с.258), к середине третьего века благосклонность к митраизму, достигнув апогея своей мощи, резко пошла на убыль, в связи с победой христианства. «Тот неиссякаемый источник религиозных чувств, который открыли проповедь и страсти распятого на кресте Бога, был недостижим для поклонявшихся Митре» (Кюмон Ф., 2000, с. 255).

На фоне угасающего митраизма в верованиях дуалистов в IV веке в едином акте соединились поклонения Зороастру и Христу. «Та широкая популярность, которую получили маздеистские верования, окрашенные халдейскими доктринами, подготовили умы к принятию этой ереси (манихейства); последняя шла по проторенному пути (пути бога Зурвана – Н.Р.). Так как манихейство с отвращением относится к утверждению, что добрая и злая сила (близнецы – Армузд и Ахриман) являются братьями, а митраизм с давних пор посвящал Ахриману алтари с надписью «богу Ариманию», то отсюда следует, что предпочтение было отдано их отцу Зурвану, но при этом признание превосходства доброго принципа над злым получил благой сын Ахура-Мазда» (Виденгрэн Г., 2001, с. 74).

Согласно М. Бойс, зурванизм как ересь возник в среде магов в эпоху последних Ахеменидов, и позже Зурван был наделен божественной властью. Большая часть свидетельств в священных писаниях относится к сасанидскому и послесасанидскому времени, но как «отдаленная первопричина» Бог Времени «был всегда и будет всегда» (Бойс М., 1994, с. 84-85). Следует заметить, Бог Зурван ни разу не упомянут в тексте «Кефалайя», он был включен в пантеон богов позже, благодаря усилиям сасанидского духовенства и как верховный Бог манихейства объявлен «Отцом величия». При Шапуре II (309-379), Вахраме V (421-439), почитаемыми «правильную веру», произошло утверждение зурванизма. Любопытный факт: Шапур II одну из дочерей назвал Зурвандухт – буквально «дочь Зурвана» (Бойс М., 1994, с. 141). Этот период истории и явился началом активного продвижения манихейских сект на Восток в пределы Парфии, Согды и Центральной Азии.

Итак, божественная мудрость *gnosis* в лице бога Зурвана укоренилась в манихействе в восточной церкви. «В пехлевийском сочинении круга зороастрийского учения «Суждение Духа разума» Творец Ормазд создал творения из своего собственного света и, с благославения Зурвана, «безграничного времени», нестареющего бессмертного, нечувствительного, навсегда и навечно, и никто не может схватить его и ослабить его власть» (зороастрийские тексты., 1997, с. 90). «В манихейских документах мы читаем: «Во имя великого Царя, Зурвана, Бога... было рассказано святое писание... божественная мудрость (*gnosis*), которая слаще напитка бессмертия...» (Klimkeit H.J., 1998, p. 120). Наделенный прародительскими качествами всех светлых сущностей в китайской манихеике он (Зурван) – «Верхнее Небо как оболочка всего сущего» (Зуев Ю.А., 2002, с. 247), «драгоценная алмазная корона», «Врата Света». Он же Зурван, Бог, Высшая Сущность – это только добро, неспособное на битву и сражения с силами тьмы. В манихейском мифе Он призывает через Мать Жизни Первочеловека, сына (сын Ормазд – Иисус).

Иисус-Сияние в манихействе – Универсальный Человек, или «Человек новый», пришедший на смену «Ветхому Человеку» (т.е. Адаму). В богослужебных списках назареев (приводит Е. Дровер 2002, с. 319) находим: «Тогда Он (Слово) пришел с Адамом (с душой Адама – Н.Р.). Он Голос, который объясняет голоса – это Слово, которое объясняет все слова..., это крик, который раздался на рассвете, и последний крик, услышанный ночью. Ибо с ним явилось Понимание (Иисус – Н.Р.), оно и вынесло решение, которое упразднило все другие решения» (Дровер Е.С., 2002, с. 273). В этом варианте гностических интерпретаций проявлена роль Христа как спасителя и просветителя, а грехопадение как возвышение первых людей. При этом Ева возвещает Адаму гнозис. Поэтому Иисус предстает в рукописях христиан-гностиков как глашатай гнозиса (Дровер Е.С., 2002, с. 248). Но как истинный посредник, поскольку в нем соединилось божественное и человеческое от двух природ – союза «Неба и Земли», Иисус как глашатай сам является воплощением Слова.

В ходе сотериологических событий манихейского мифа Иисусу отведена центральная позиция. Она хорошо подготовлена и является не последней, согласно факту, что Иисус Великолепный обладает подобным количеством божеств – помощников, таких как Третий Посланник, Дева Света, являясь призванием Отца Света в период четвертой войны сынов Света и сынов Тьмы (Heuser M., 1998, p. 55). И здесь он приобретает одну из трех своих ипостасей Иисус-Блеск (или Иисус-Сияние, в западном манихействе). Вторая ипостась: Иисус исторический, предшественник самого Мани, предпоследний в очереди Апостолов; в кратком варианте: Будда – Заратуштра – Иисус – Мани. Третья ипостась – Иисус Терпимый (Страдающий) – свет, связанный и распятый в смешении тварного мира. В Главах (80, 18-21) Иисус-Сияние, отец всех Апостолов, ибо после того, как Третий

Посланец открыл свой образ и Свет был взят в творение плотское, множество архонтов взбунтовалось вверху и внизу. Тогда был послан Иисус-Сияние, он пришел, дал надежду Адаму, усмирил мятеж. Пробуждение Адама – главное откровение Иисуса, т.к. в лице Адама – всё человечество, которому Иисус несет познание обо всем внешнем и внутреннем, о настоящем существе и будущей судьбе, он исцеляет и дает утешение. В пределах горизонта мысли гностицизма – он предъявитель Познания. Но чтобы гарантировать исключительную победу Света, необходимо, чтобы откровение было повторено циклически посланцами спасения через Слово. Образ сокровенных знаний Слово-Логос приобретает в манихействе ту же символическую форму, как множественный Архетип Слова (см. ниже). Среди посланников (Будда, Заратуштра) сам Мани в детские годы получил откровение Утешителя, но как становится ясно – через Слово Иисуса, своего близнеца (Главы., 35,25-30; Heuser M., 1998, p.71), который несет Благую весть, т.е. познание спасения. «В том, что страдающий Иисус висел на кресте Голгофы, Мани умным взглядом распознал очевидный знак страдания человеческих душ в мире...» (Heuser M., 1998, p. 52).

Однако, в текстах Кефалайя (1998, 92,7; 61,25-32) образ живого слова несет Иисус-Младенец, потому что в Иисусе-Младенце Глас, который знает, как ответить на зов искупления. Согласно парфянскому гимну М.42, младенец «представляет» душу, тоскующую по спасению (Klimkeit H.J., 1998, p.249). Но как Иисус послан Отцом по зову, так и Младенец явился по зову Иисуса, зная Ответ. (Главы., 93, 33; 182, 4). Зов и Ответ послание Мира и Привета. На зов Духа Живого ответил Первочеловек из Бездны Тьмы. (Главы., 182, 11). Последний – сын Бога Зурвана, и в череде божеств-спасителей, в символическом виде «младенцев» в мифологических традициях Античного Востока – Живой Аналог сирийского юного князя из «Песни о жемчужине», Будды-юноши, «нежного сына» из средне-иранских текстов, «Дивного советника» из кумранского «Благодарственного гимна» (Старкова К.Б., 1973, с. 86).

Зов и Ответ – братья, объединенные в Двоединое божество, и состоят в группе двенадцати божеств Света. В послании Апостола Мани к праведникам совершенным сказано: «Творите молитву (Зов), ибо всё, о чем вы попросите... вы приобретете». Каждая проповедь манихеев была «Зовом» от другого мира, напоминающая душе ее изначальный Дом в Мире Света. Зов должен вызвать «Ответ» со стороны человечества, показывая его готовность исполнить божественный вызов (Klimkeit H.J., 1998, p.304). Полагаем, диадема Славы в эсхатологической функции, «Помысел жизни», обещанная Апостолом «награда», дополнительно представляет божественный атрибут в известной видимой форме «точка в круге», где точка – Зов, поле круга – Ответ.

Обратимся к памятнику из новых находок Междуречья Июсов «Две фигуры под двойным кругом» (г. Ключинская, хребет Арга), (рис.4). Однозначно тот же персонаж из круга загадочных фигур Аспелина, в длиннополом одеянии с высоко поднятой головой (тонкая гравировка). Над фигурой – полоса разрушенной поверхности и выше непомерно большая фигура (выбивка) в виде двойного круга. Ниже, с правой стороны, рядом с фигурой, в том же исполнении, что и круги, непонятное миниатюрное большеголовое антропоморфное изображение с распростертыми верхними конечностями. Нет сомнения, композиция в составляющих частях единовременна и, по аналогии с известной «точкой в круге», представлен тот же знак – «диск с обозначенным центром», отмеченный ранее, т.е. он же возложен на «плечи носителей» (Главы., 86,24), несущий Слово Божие. Если предположение верно, то диск над головой персонажа в одеждах миссионера-чужеземца есть «Слово» Иисуса-Младенца, явленное в материальный мир, а малая фигура с распростертыми руками – вторая графогема того же образа (предположение! – Н.Р.). Последний олицетворяет роль божественного Посланца (?), который должен убедить Иисуса быть терпеливым (парф. текст, М.42). Заметим, роль Иисуса, как двойника, проходит в главах: двойник Адама, близнец Апостола Мани. В Турфанских гимнах находим: «Отец, призовем тебя, мы вознесем наши глаза тебе. Наши души воспоют прежде, чем ты проявишь свое милосердие к нам своей большой милостью, и сможешь послать нам утешителя...». В другом гимне: «Мы пойдем за Спасителем, нашим верхним глазом, и нашим ухом, которым мы слышим», или «... мы стоим все в одном убеждении... и мы хотим направить взор на этот Твой облик», «Приди с благом, истинное слово, Великое

светило и большой Свет», «мы узрели Тебя, новый Эон, и мы пали к Твоим ногам, Ты, который весь Любовь» (М 28 II; Mir M II s.).

В известной триаде манихейского пантеона «Бог, Иисус и Дух святой», по словам Джексона (Jackson. A.V., 1932, с. 12), Иисус Сияющий есть первый член триады, он же несет образ Владыки рассвета и, как было замечено выше, в обновленном наряде, сменил языческое божество Митру. Отдаленная или сокрытая сторона божеств в пантоне манихейской доктрины не могла быть представлена иначе, как символ, выраженный в наших памятниках посредством графических знаков, метафорически отчужденных от места действия в мире дольнем. «Мы видели Тебя, любвеобильный Господь» – строка из гимна (турфанские гимны, см. выше) может быть только словоизъявлением, по меткому замечанию Климайт (2002, с. 151), как форма, не видимая внешне, но воспринимаемая только «духовным глазом». С аналитической точки зрения мы сталкиваемся с аллегорическим литературным фактом, типа «наоборот». Приди с благом! – моление об эпитафии. Об обратном – в Хуастуанифт (99-100): «...Так как не возносили (эту хвалу)... наши помыслы в направлении к богам (к небу)... и моления надлежало не достигали к богам (к небу) а ограничивались и задерживались где-либо на (здешней) земле». Призываемый Иисус в сознании верующих востребован как спаситель, вестник, пробуждающий Слово. В отношении знака, символизируемого образ Спасителя, можно признать – молящиеся увидели Божество! Таким образом, эпитафия-призыв состоялась. («Ты увидел Христа – ты стал Христом» – Трофимова М.К., 1979, с. 38).

О невидимом Боге в Наг-Хаммади: «Он – это Бог истинный, Дух невидимый»... ибо, если он будет виден, его схватят ... Логос открывает себя в невидимости среди тех, кто возник, согласно Воспоминанию, пока из вышины на него не пролился живительный свет – свет, который был произведен из идеи братской любви досуществующей плеромы» (Трофимова М.К., 1986, с. 123 – 126). Следовательно, можно допустить, что реалистические изображения адепта-миссионера и младенца в формах распространенной наскальной иконографии средневековья (духи, языческие божества, фигуры и т.д.) согласованы с «закрытым» образом, в допустимых рамках символа – Слова Иисуса-Младенца.

В заключение приведем ряд оснований космогонии из текстов китайской литературы средневековья (догматические сочинения мусульман, Палладий Арх., 1887, с. 128), бесспорно имеющие отношение к воззрениям древности (Изначальная традиция) и к мифологической картине историософии манихейства.

...Круг безымянный – в нем одно слово: бытие.

Начало всего; единица, субстанция не проявившаяся.

Безграничное Чжоу цзы; безначальное буддийское Ву ши,

Юань ши даосов... круг – существо, субстанция та,

не подверженное движение, безначальное и бесконечное,

не подверженное ни чему – ни бытию, ни небытию.

Это первая ступень, как огонь в камне.

Дальше Сянь тянь – движение в верховном смысле.

Пружина движения. Выражается в двух: введение и сила.

Еще не отделено от субстанции (аналог Андрогинна – Н.Р.).

Действие Вэй; возможность действия (каббалистич. «Я есть» – Н.Р.)

...Начало разделения субстанций: прежде свет и огонь были одно,

теперь как бы свет от огня в даль. Это – степень Владыки.

...Тут предопределение творчества.

В круге – ведение, сила, созерцание, слышание, деяние,

рождение (начало всякой жизни и Первой Мудрости – Н.Р.)

Говорить и творить – суть синонимы во всех первоначальных языках (Слово-Логос, Свет-сияние). Слово (Логос) исполнено творческой силы, поскольку акт произнесения «Слово было Богом, и было Бог» (Иоанн) и был актом творения.

Архетип Слова (точка в круге) в формально упрощенной трактовке:

Солнце – умственный свет (Кюмон Ф., 2000, 243)
 Архетипический ум (Холл М.П., 1992, с.194)
 Око света всего мира (Klimkeit. H.J., 1998, p.178)
 Око гносеологическое – единое эон (Трофимова М.К., 1986, с.123)
 Золотой зародыш «Хираньягарбха» (Генон Р., 2004, с.127)
 Библийское «амар» (Генон Р., 2004, с.614)
 Духовное семя Явар-Зива (Дровер. Е.С., 2002, с.265)
 Договор двух начал
 Глаз Ахура-Мазды (Литвинский Б.А., 1972 с.152)
 Муже-женское начало (Новгородова Э.А., 1984, с.51)
 Первопринцип Адама
 Семя Гайомарда (Бундахишн 50 г)
 Древневосточное Инь и Янь (Палладий Арх., 1887, с.130)
 Вершина горы Меру (Tucci G., 1963, p.140)
 Мифическая гора Албурз (Бундахишн 16 v)
 Благо Зурвана (Зороастрийские тексты., 1997)
 Первый элемент души (Зудерман В., 1989, с.77)
 Моносиллаба Ом (Генон Р., 2004, с.264, 300)
 Первая Корона – «Я есть» (Евр.энциклоп., 1991, Т.15, с.875 -877)
 Десятиричная Единица (Генон Р., 2004, с.153)
 Слово-Логос – откровение Бога

Множественность форм, определяющих точку в круге, образ сокровенных знаний, опыт неких «воспоминаний» – этапов сотворения мира и структуры мира, оживших в гностической традиции, суть действенной силы религии синкретизма. Этот абстрактный феномен – один из общих и понятных символов в духовной сфере культур от Средиземноморья до Дальнего Востока. «Логос-Эон, выражая идею... из тьмы бессловестности... – творение Отца, как элемент космогонического акта, освящает гнозис и его Носителей» (Топоров В.Н., 1994, с.15).

Сововлеченное в манихейской доктрине наследие изначальной традиции с элементами вероучений: гностического, зороастрийского, буддийского (а также древне-тюркского язычества – Н.Р.) выражается в атрибутах и элементах божественных откровений не только в одном или двух, а в нескольких равноценных архетипах (Смагина Е.Б., 1995, с.102).

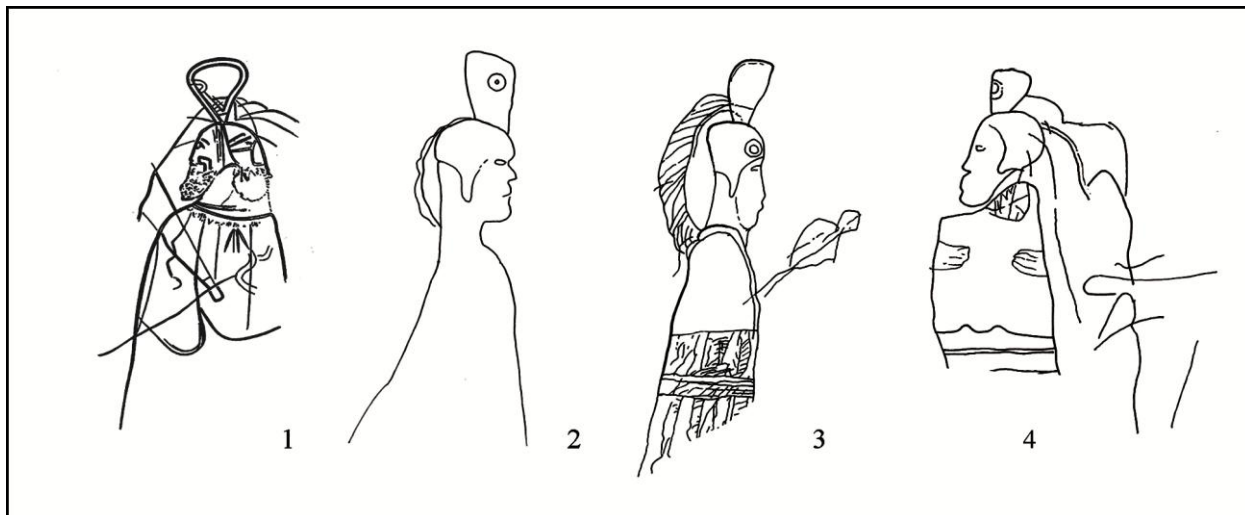
Религиозные философствования Мани можно определить как тип восточно-чудотворнический, обращенный к язычеству, где миф выражался в абстрактных формах гностического искусственного языка и харизматических, проповеднических откровений. Заимствованная почти из всех религий его синкретическая форма «Видимого откровения Бога» места «Божественной середины» (Трофимова М.К., 1979, с. 33) в одной из важных деталей «точки в круге» была встречена на всем пространстве Шелкового пути как «давно знакомая» формула, (пожалуй, это единственная деталь в костюме миссионера, несущая функцию своеобразного «пропуска», в пояснении которого не было необходимости).

В тайне манихейского мифа кроется источник первознания, где Слово-Логос – «оправдание» сочетаний (Свет-Тьма, Жизнь-Смерть) явленное в обнаженной традиции мифопоэтических представлений архаических культур. И нет сомнения в том, что уже в начале, когда сложилось его (Мани) учение, как известно, изложенное им самим в нескольких книгах, он видел Облик проповедника во всей полноте атрибутов и символов, среди которых – «Око Бога» в виде диска на голове.

В соответствии с гностической формулой спасения Души, «... если ты станешь теми, которые принадлежат вышине, те, которые принадлежат вышине, будут покоиться на тебе» (Наг-Хаммади, II соч.3, 113), видимое откровение Бога, диадема с точкой или кругом внутри есть Благая весть Мани-Будды, или предъявленное Иисусом-Младенцем творческой силы Слово. Множество форм в одном – «Дух невидимый», но открытый святому пути, он же, в конечном определении, является символом Познания и Спасения Души (на пути познания). Возложенный на короны носителей, адептов религии Света, знак «донецен» ими до пределов северной ветви Великого Шелкового пути до конечного тупика в Междуречье Июсов – место ставки кыргызских каганов.

Литература

1. Абдуллаев Е.В. Апостол Фома: генезис одной агиографической традиции средне азиатских манихеев. – М.: «Одиссей», 1999. – с. 192–213.
2. Андросов В.П. Словарь индо-тибетского и российского буддизма. – М.: «Вестком», 2000.
3. Бартольд В.В. Сочинение Т.2. Ч.2., – М., 1964.
4. Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. – СПб., 1910.
5. Беленицкий А.М. Монумент-е иск-во Пенджикента. Живопись. Скульптура. – М., 1973.
6. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. 3-е изд. дополн – СПб., 1994.
7. Валиханов Чохан. Избранные произведения, под ред. Маргулана А.Х. – Алма-ата, 1958.
8. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – Владивосток – Москва, 2001.
9. Виденгрэн Гео. Мани и манихейство. Пер. Иванов С.В., – СПб.: «Евразия», 2001.
10. Генон Рене. Символика креста. Пер.с франц. Т.М. Фадеевой и Ю.Н. Стефанова. – М., 2004.
11. Голан Ариэль. Миф и символ. – М., 1992.
12. Дровер Е.С. Сокрытый Адам. Мандеи. // История, литература, религия. Сост. Н.К. Герасимова. – СПб.: «Нева», «Летний сад», 2002.
13. Зороастрийские тексты. Изд. Подготовлено Чугуновой О.М. – М.: Наука, 1997.
14. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алма-аты: Дайк-Пресс, 2002.
15. Зундерман В. Еще один фрагмент из «Книги Гигантов» Мани // ВДИ. – 1989. – №3. – С.67–79.
16. Еврейская энциклопедия. – СПб., 1991. – Т.1–15.
17. Кефалайя («Главы») Коптский манихейский трактат., пер, ком, глосс. Е.Б. Смагиной – М., 1998.
18. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. – 1971. – Вып.10. – С.121–146.
19. Кочетова С.М. Божества светил в живописи Хаара-Хото // Труды отд. Истории культуры и искусства Востока. – Л.: Гос. Эрм -ж, 1947. – С.472–502.
20. Кюмон Ф. Мистерии Митры. Пер. с франц. Цветковой С.О. – СПб., 2000.
21. Литвинский Б.А., Смагина Е.Б. Манихейство // Вост. Туркестан в древности и раннем средневековье. Этносы, языки. религии. – М., 1992. – С.508–532.
22. Литвинский Б.А. Буддизм и средневековая цивилизация // Индийская культура и буддизм. Сборник памяти Ф.И. Щербатского. – М., 1972. – С.148–163.
23. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.–Л.: Академия наук СССР, 1951.
24. Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Ред. Антонов Т.В. – Душанбе, 1989.
25. Мэнь-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевиях. Пер. с кит. П.С. Попова. – СПб., 1895.
26. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М., 1984.
27. Палладий (Архимандрит). Китайская литература магометан. – СПб., 1887.
28. Потанин Г.Н. Подгорбунская И.А. Каталог. Буддизм. И В О И Р Г О отд. 2, – Иркутск, 1888.
29. Рыбаков Н.И. Шестой конгресс этнографов и антропологов России // Тезисы. – СПб., 2005. – С.123.
30. Рыбаков Н.И. Небесная пара – символ корабля света. Буддисты-манихеи в Междуречье Июсов // Енисейская провинция. – Красноярск: Пед. Универс. им.В.П.Астафьева, 2006. – Альманах 2. – С.121–127.
31. Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. – М., 1998.
32. Сычев Л.П. Традиционное воплощение принципа Инь–Ян в китайском Ритуальном одеянии // Роль традиций в истории и культуре Китая. – М., 1972. – С. 144–150.
33. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1994.
34. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: «Языки славянской культуры», 2005. – Т.1.
35. Трофимова М.К. Гнозис и эстетическая деятельность // Палестинский сб-к. – 1986. – В.28 (91). – С.121–127.
36. Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг–Хаммади, II соч.2, 3, 67). – М., 1979.
37. Туччи Дж. Религии Тибета. пер. с итальянск. Альбериль О.В. – СПб.: «Евразия», 2005.

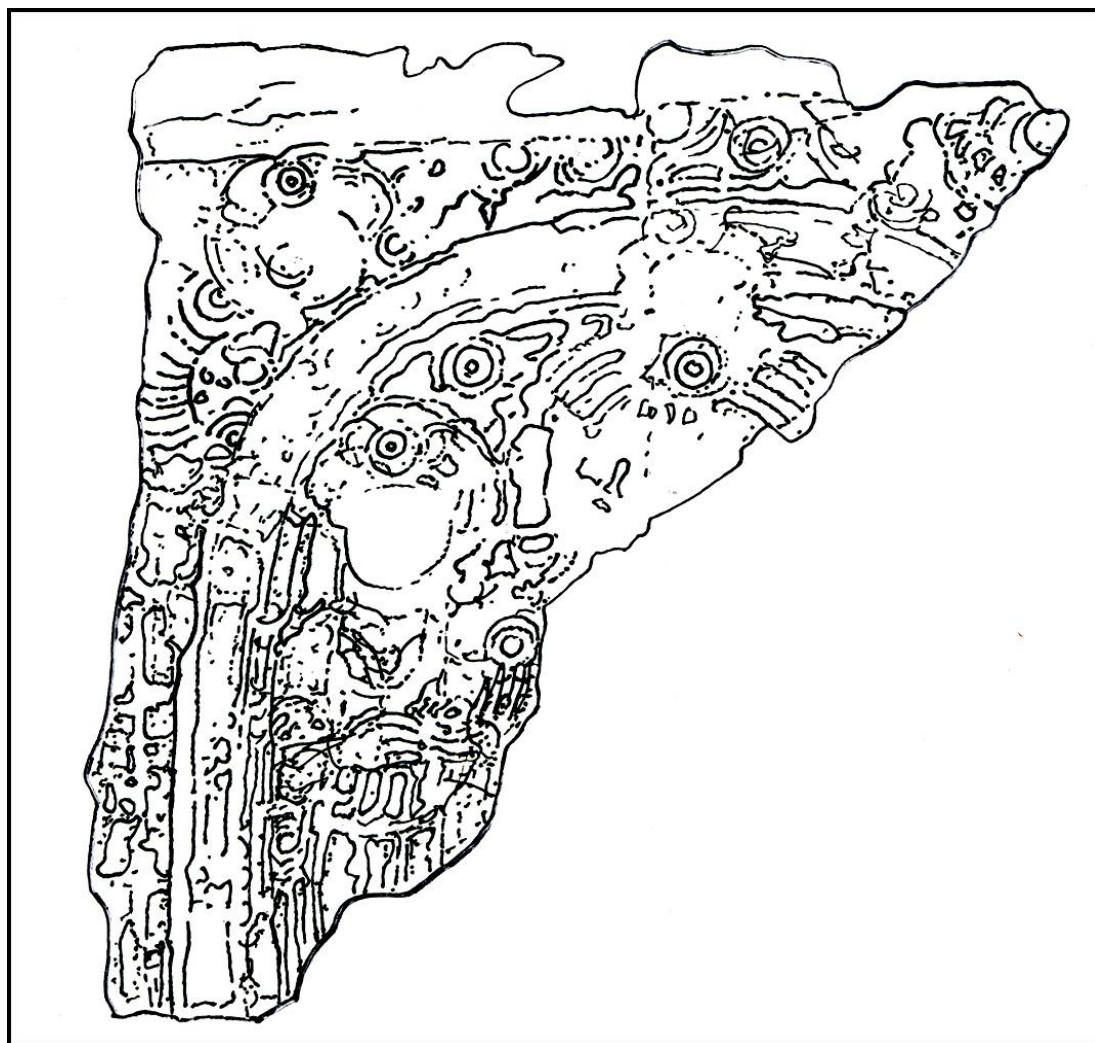
Рис.1

1 – Ассирийский священнослужитель. Подкамень. (Appelgren-Kivalo, 1931, - Fig.96 - 98);
 2 – Одиночная фигура (фрагмент). Подкамень (материалы – Н.Р.); 3 – Первая в череде
 четырех фигур (фрагмент), г. Барстаг. Западный склон. (материалы – Н.Р); 4 – Персонаж.
 Небесный корабль (фрагмент). Подкамень. (Рыбаков Н.И., 2006, с.121–127)

Рис.2

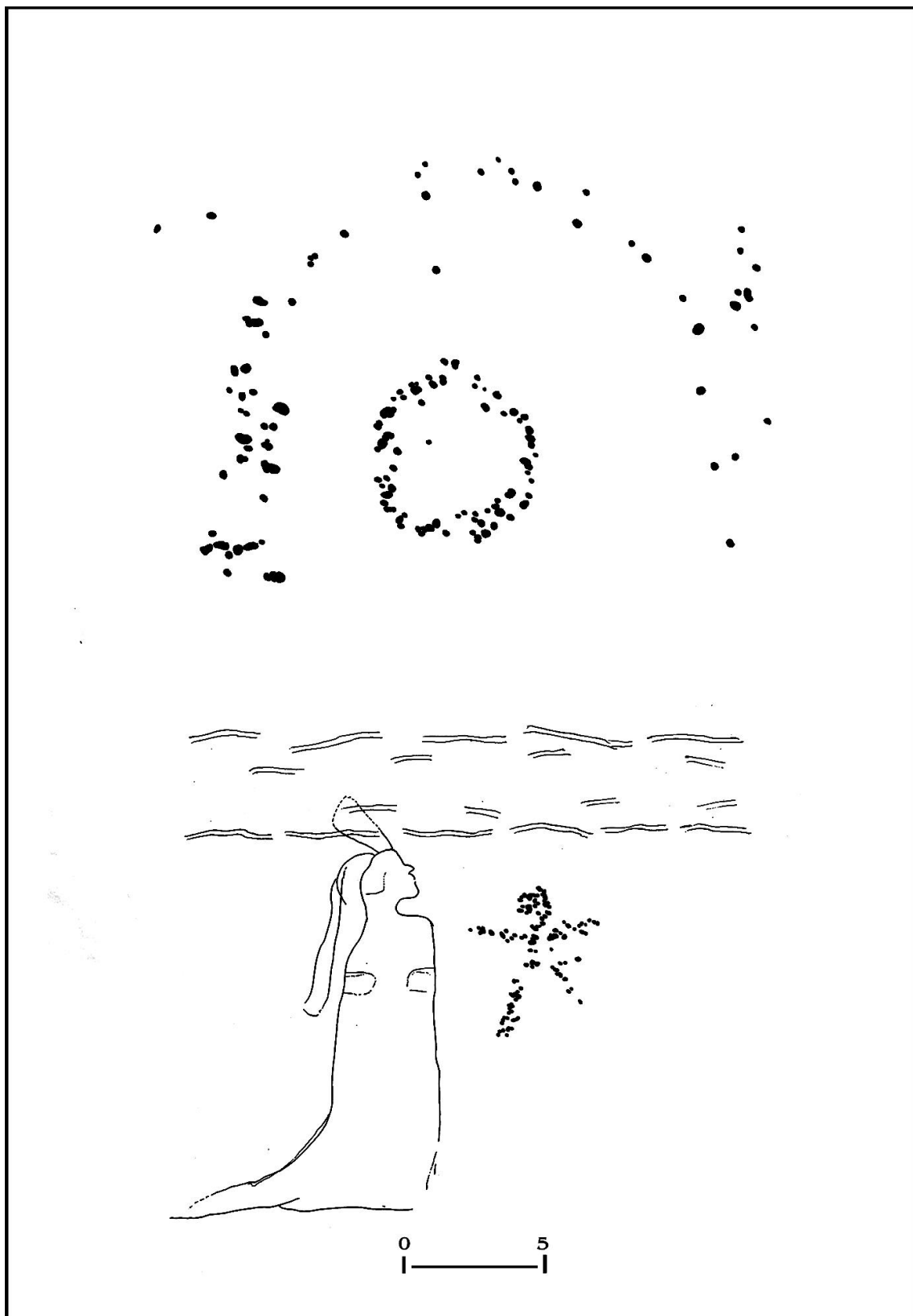
Фрагмент изображения священника. Турфанские миниатюры Хотчо. VIII-IX вв.
 (A.von Le Coq, T.II, 1923 – p.42,E), прорисовка – Н.Р.

Рис.3

Фрагмент листа манихейской книги. Хотчо. VII-VIII вв.
(A.von Le Coq, T.II, 1923 – 8Б,с), прорисовка – Н.Р.

38. Хуэй – Цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сен чжуань), пер. ком. М.Е. Ермакова. – СПб., 2005. – Т.2.
39. Alfaric Prosper. Les Ecritures manicheennes. – Paris. 1918.
40. Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmaeler. – Helsingfors, 1931.
41. Erdy M. Manichaens, nestorians or bird costumed humans in their relations tu hunnic type cauldrons in rock carvings of the Yenisei Valley // Eurasia Studies Yearbook. – 1996. – Vol.68. – P.45–95.
42. Klimkeit H.J. Selected Studies. Heuser M., Klimkeit H.J., Studies in Manichaeism, Literature and art. – Brill, Leiden-Boston-Koln. 1998.
43. Jackson A.V.W. Researches in Manichaeism, Columbia University Press. – 1932.
44. Tucci G. The Tibetan «white – sun – moon» and cognate deities. East and West. Pom – New Series. – 1963. – vol. 14 – nos. 3-4.
45. Flügel. Mani seine Lehre und seine Schrift. – Leipzig. 1862.
46. Maenchen-Helfen O. Manichaeism in Siberia. Semitic and Oriental Studies. – Berkeley–Los Angeles. 1951.

Рис.4
«Две фигуры под двойным кругом»
(г.Ключинская, хребет Арга, Междуречье Июсов), (материалы – Н.Р.)